

снабдить сквозной порядковой нумерацией, что в значительной степени облегчило бы пользование как самими документами, так и указателями, отсутствие которых в значительной степени обесценивает издание.

В заключение позволим себе выразить пожелание, чтобы данный сборник надписей был выпущен вторым изданием, свободным от тех серьезных дефектов, которые мы здесь отметили. Целесообразно также издать эту книгу и на русском языке, так как полное собрание греческих надписей Грузии, как древних, так и средневековых, выходит далеко за рамки интересов грузиноведов и было бы очень ценным собранием источников для всех историков древнего мира, филологов и византиноведов.

А. Болтунова

ХОУ ВАЙ-ЛУ, *История древнекитайского общества* (на китайском языке), Шанхай, Изд-во Саньляньшудянь, 1949, 337+5 стр.

Историками Китайской Народной Республики в последние годы создано много трудов, посвященных древнейшему периоду истории Китая. Для подавляющего большинства этих трудов, значительно расходящихся друг с другом по ряду крупных вопросов древнекитайской истории, характерны две черты: во-первых, стремление осветить историю древнего Китая с позиций марксизма; во-вторых, широкое привлечение текстов надписей на гадательных костях и на бронзовых сосудах, без сопоставления с которыми данные классических книг уже не признаются достоверными. Солидная основа исследования в сочетании со стремлением ответить на основные вопросы древнекитайского общества с позиций исторического материализма, широкий кругозор, позволяющий автору сравнивать процессы, происходившие в истории древнего Китая, с аналогичными явлениями из истории Греции и Рима — вот черты, характеризующие рецензируемую книгу проф. Хоу Вай-лу.

Хронологические рамки «Истории древнекитайского общества» — эпоха Чжоу (1122—247 гг. до н. э.) и период Цинь (246—207 гг. до н. э.). По мнению автора, в отличие от «варварства», закончившегося эпохой Инь, в начале эпохи Чжоу возникла древнекитайская «цивилизация». Конец периода Цинь означал, по мнению Хоу Вай-лу, завершение истории древнекитайского рабовладельческого общества.

Книга состоит из предисловия и 14 глав. В предисловии Хоу Вай-лу, отмечая, что в его книгу вошли исследования, печатавшиеся в предшествующие годы в специальных сборниках и периодических изданиях, коротко останавливается на своем методе работы и резюмирует основные выводы своих предшествующих исследований.

В первых двух главах: «Исследование закономерностей древнеазиатского общества» (стр. 1—30) и «Древнекитайское общество и азиатский способ производства» (стр. 31—75) автор излагает свои теоретические взгляды и останавливается на характеристике рабочей силы и средств производства в иньскую и чжоускую эпохи. Здесь же он доказывает тезис о возникновении классового общества в конце эпохи Инь и в начале Чжоу.

В следующих двух главах (стр. 75—112) автор путем тщательнейшего анализа надписей на костях и на бронзе, а также сведений, которые содержатся в древнекитайских классических книгах (в основном в Ши-цзине), устанавливает конкретный путь возникновения древнекитайской «цивилизации».

Две дальнейшие главы (стр. 113—169) посвящены проблемам, связанным с возникновением и развитием города-государства в эпоху Чжоу. Автор, анализируя термин «фэнцзянь» (жаловать должность, поставить князем; лен, удел¹; в современном

¹ П а л л а д и й и П о п о в, Китайско-русский словарь, Пекин, 1888, т. 2, стр. 288; Китайско-русский словарь под редакцией И. О ш а н и н а, М., 1952, стр. 304,

китайском языке это слово означает также феодализм), показывает, что применение этого термина в источниках эпохи Чжоу не дает основания для того, чтобы считать эту эпоху временем господства феодализма.

Продолжая изучение проблем, связанных с возникновением древнекитайской цивилизации, Хоу Вай-лу в 7-й главе (стр. 169—191) останавливается на происхождении господствующего класса в древнем Китае. Последующие главы посвящены соответственно вопросам политики древнекитайских государств (стр. 193—212), проблемам, связанным с положением купечества и низших слоев свободных людей (стр. 213—225), вопросам религии, морали и философии (стр. 227—300). В последних двух главах Хоу Вай-лу разбирает вопросы, связанные с возникновением циньской цивилизации (стр. 301—312), и анализирует реформаторское движение в древнекитайском обществе (стр. 313—337).

Хоу Вай-лу считает, что рабовладельческий способ производства в конкретной истории представлен двумя путями развития — классическим и древнеазиатским. При этом он решительно возражает против того, чтобы считать древнеазиатское рабовладение переходным этапом к классическому рабовладению: оба пути возникновения рабовладельческого общества совершенно равноправны, и один из них никак нельзя считать этапом, предшествующим другому.

В чем же Хоу Вай-лу усматривает своеобразие древнеазиатского общества? «Естественные условия раннего созревания древнеазиатского общества — жаркий пояс и орошение. Путь его постепенного обновления — сохранение родовой общины, а затем и переход земли в собственность родовой знати. Традиция, унаследованная им, — государственная собственность на землю и отсутствие частной собственности на землю. Источник коллективной рабочей силы рабов в азиатской древности — военный захват и порабощение окружающих племен.

В этом способе производства объединены специфическая рабочая сила и специфические средства производства. Азиатский способ производства представляет собой, таким образом, соединение средств производства в виде земли, находящейся в собственности рода, а затем государства, с рабочей силой, состоящей из коллективов рабов. Это сочетание постепенно стало господствующим в древневосточных обществах» (стр. 13 сл.).

Развивая свою характеристику древнеазиатского общества, Хоу Вай-лу останавливается на специфическом для классового (в его терминологии — «цивилизованного») общества обострении противоположности между городом и деревней. Связывая этот процесс с распадом родового строя и разделением населения по территориальным, а не кровнородственным единицам, Хоу Вай-лу пишет: «В азиатской древности наследие рода продолжает сохраняться в цивилизованном обществе. Двойного вида родовые узы связывают развитие частной собственности: не только земля принадлежит государству, но государственной собственностью являются и непосредственные производители. Сверху род захватил в свои руки город, снизу, в деревне, находились родовые коллективы рабов. Родовые узы тесно связывают город с деревней, так что в результате устанавливается специфическое единство обоих... Так как земля не могла превратиться в частную собственность, то территориальные деления устанавливались с трудом, база, на которой держался город, была непрочной, городам часто приходилось менять место. На это указывает китайский термин „цянью“ (переселяющееся государство)» (стр. 15).

Сравнивая восточную древность с классической, Хоу Вай-лу приходит к следующему выводу: «Исходным пунктом обоих путей была община, но восточное общество и в дальнейшем было тесно с ней связано, классическое же вдребезги разбило общинно-родовую скорлупу» (стр. 20). Несколько раньше он пишет: «Путь классической древности — это революционный путь, когда новое заменяет старое, новое разбивает старое, путь же азиатской древности — путь реформ, когда новое переплетается со старым и старое тормозит новое. Классическая древность — мир городского человека, азиатская древность — мир господина. Когда Аристотель говорил, что человек — политическое животное, он имел в виду существо городское, и самое понятие

человека у него — абстракция, выведенная из представления о городском человеке¹. А когда один из крупнейших азиатских мыслителей Сюн-цзы (III в. до н. э.) говорил, что путь человека — это путь господина, то в основу абстрактного понятия человека он клал представление о том, что „страна — это ее господин“ (стр. 16).

На протяжении периодов Чуньцю (722—481 гг. до н. э.) и Чжаньго (403—221 гг. до н. э.) происходило постепенное освобождение от игравших столь большую роль в жизни древнекитайского общества остатков родового строя. Решительный шаг в этом направлении был сделан, когда Китай был объединен династией Цинь. С этого времени на территории всего Китая была введена покупка и продажа земли. «То, что в Циньскую эпоху были проложены тропинки между полями, указывает на уничтожение родовой собственности на землю. Землю во-всю стали захватывать богачи, а положение участвовавших в производстве и свободных людей становилось все более бедственным, „бедным некуда было воткнуть шило“» (стр. 317). Хоу Вай-лу подчеркивает, что преобразования в Циньскую эпоху были обусловлены экономическим, политическим и идеологическим развитием в предшествующие эпохи. «Так называемая „система округов и уездов“ (цзюньсяньчжи) вводилась постепенно с периода Чуньцю до последних лет Чжаньго, а в Циньскую эпоху была обнародована в форме закона» (стр. 317).

Уничтожением остатков родового строя в эпоху Цинь и заканчивается, по мнению Хоу Вай-лу, история древнекитайского рабовладельческого общества. Со Старших Хань начинается эпоха феодализма.

Таковы, в общих чертах, взгляды Хоу Вай-лу на историю древнекитайского общества. Его концепция вызывает, однако, серьезные сомнения. Прежде всего автор считает отличие древнекитайского рабовладельческого общества от классического столь серьезным, что здесь, по его мнению, можно говорить об особом, «азиатском способе производства». Правда, то, что понимает Хоу Вай-лу под этим термином, принципиально отличается от того содержания, которое вкладывали в него сторонники порочной антимарксистской теории «азиатского способа производства» в дискуссии, происходившей в конце 20-х годов. Они, как известно, считали, что азиатский способ производства кардинально отличается от всех остальных общественно-экономических формаций; в частности, они заявляли — и это важно подчеркнуть в данной связи — что азиатский способ производства не был рабовладельческим. Хоу Вай-лу, напротив, под «азиатским способом производства» понимает один из видов рабовладельческого способа производства. Таким образом, взгляды Хоу Вай-лу по существу противоположны взглядам сторонников этой отвергнутой советской исторической наукой теории. Характеристика, которую Хоу Вай-лу дает обществу, по отношению к которому он употребляет термин «азиатский способ производства», по существу не отличается в своих основных чертах от той характеристики, которая дается в советской науке ранне-рабовладельческому обществу.

Автор не приводит данных, доказывающих, что рабовладельческое общество в древнем Китае закончилось именно к началу эпохи Хань. Для доказательства этого тезиса автору нужно было бы показать, что уже в предшествующий период в недрах рабовладельческой формации начинают зарождаться феодальные отношения, что рабовладельческое хозяйство стало нерентабельным, изжило себя, и что само развитие производительных сил принуждало рабовладельцев отказываться от эксплуатации рабов и переходить к эксплуатации крепостных. Если бы автор мог показать

¹ Маркс, говоря об этом определении Аристотеля, отмечал: «Аристотелевское определение утверждает, строго говоря, что человек по самой своей природе есть гражданин городской республики. Для классической древности это столь же характерно, как для века янки определение Франклина, что человек есть создатель орудий». «Капитал», т. I, М., 1949, стр. 333, прим. 13.

эти характерные для кризиса рабовладельческой системы хозяйства процессы, то его тезис стал бы более убедительным. Но Хоу Вай-лу показывает иные процессы: переход земли и непосредственных производителей из рук государства, в значительной мере связанного еще с родовой аристократией, в частные руки, освобождение от остатков первобытно-общинного строя в политике и идеологии. Эти явления далеко не равнозначны уничтожению рабовладения как системы. Они говорят лишь о дальнейшем развитии рабовладельческих отношений. Данные, свидетельствующие о большом развитии рабовладения во время Старших Хань¹; существовавшее в это время неограниченное право рабовладельцев на убийство рабов², а также и то, что на рубеже нашей эры проблема рабовладения приобрела особую остроту в реформах Ван Мана, — все это заставляет усомниться в правильности мнения Хоу Вай-лу о том, что рабовладельческая формация закончилась периодом Цинь и что эпоха Старших Хань была временем господства феодализма.

Хоу Вай-лу уделяет много внимания доказательствам возникновения классового общества и государства в конце эпохи Инь и в начале Чжоу. К этому тезису он возвращается не раз; те главы книги, где автор показывает, что древнекитайское рабовладельческое государство возникло в эту эпоху, представляются нам прекрасно обоснованными и вполне убедительными.

Хоу Вай-лу отмечает, что в гадательных надписях эпохи Инь можно найти сведения и о порабощении военнопленных, и о массовом принесении их в жертву. Так, известен случай, когда после одного из походов было казнено более 2600 человек. «Рабы, согласно гадательным надписям, либо приносились в жертву вместо коров и овец, либо делались слугами, либо солдатами, либо пастухами. Это подтверждает, что здесь еще не был достигнут этап классического рабовладения (высоко развитое земледельческое производство)» (стр. 38). Далее, основываясь на надписях на бронзовых сосудах и на данных 2-й и 3-й частей Ши-цзина, автор показывает, как в процессе войн чжоуского племени с иньцами происходило «получение земли и народа» («шоуту шоуминь»). На сосудах появляются надписи о дарении рабов из племени шан, ми, чун и т. д. (стр. 40). Приведя сведения о войнах в начале Чжоуской эпохи, автор пишет: «Вокруг рода Цзи в то время было 1800 так называемых «царств» («го»), а к эпохе Чуинью осталось менее 200 «царств»» (стр. 41). Войны были крупным источником добычи рабов. Подобно тому, как это происходило в античной древности, превращение большого количества пленных в рабов содействовало развитию более передовых форм разделения труда. Кроме того, порабощение множества членов покоренных племен в Чжоускую эпоху создало избыточную рабочую силу, которая, с одной стороны, быстро двинула вперед земледелие, а с другой — сделала неизбежным колониционное движение.

Хоу Вай-лу дает чрезвычайно интересный и содержательный анализ встречающихся на бронзовых сосудах терминов, которыми обозначали рабов. Пленные делались рабами и назывались либо по своему племени, либо «жэньли». Как показал Го Мо-жо, последний термин обозначал подаренных рабов. Количество захваченных в плен было столь велико, что часто названия целых племен становились названиями непосредственных производителей (стр. 41). Такие термины, как «жэньфу» и «жэньчэнь», также обозначали рабов, участвовавших в производстве. Рабы использовались как в земледелии, так и в ремесле. Автор интерпретирует также термин «тянь» (поле), часто встречающийся в этих же надписях. «Дарение полей часто упоминается вместе с дарением людей. Это сочетание отнюдь не случайно. Оно указывает на связь земли с теми, кто на ней работал, ибо то, что люди и поля упоминаются рядом, конкретизи-

¹ См., например, Цянь Хань Шу, Шапхай 1905, гл. 37, стр. 25в; Ши Цзи, Шанхай, 1905, гл. 30, стр. 39в.

² См. изложение статьи Го Мо-жо «О спорах по поводу рабов и крепостных» («Синьцзяньшэ», 1951, IV, № 5) в сообщении Д. З. «Вопросы древней истории Китая в журнале „Синьцзяньшэ“», ВДИ, 1952, № 4, стр. 162.

зирует и разъясняет выражение „получить землю и народ“. Тогда же, когда они не соединены друг с другом, это означает, повидимому, что под полями подразумеваются пастбища для скота» (стр. 46).

На столь же серьезном и глубоком анализе древних терминов, смысл которых порусски обычно передается словами «княжество», «удел», «феод», построены те части книги Хоу Вай-лу, которые посвящены проблемам возникновения и развития древнекитайского города-государства и образования классового общества. Автор показывает, что начертание знака «и» (княжество, владение, город) (Палладий и Попов, I, 241; Ошанин, стр. 679) обозначает только что созданный город-государство; этот знак на гадательных костях и бронзовых сосудах состоит из двух элементов — земли и рабов. «Иначе говоря, он включает в себя условия производства и рабочую силу... Если бы не было этих двух условий, не было бы основы древнего общества, а если бы эти условия существовали раздельно, не были бы связаны между собой, это значило бы, что способ производства древнего общества находился лишь в стадии возможности» (стр. 119). Отметив, таким образом, что рабы использовались в производстве уже в конце Иньской эпохи, автор, однако, считает нужным подчеркнуть отличие иньского рабовладения от чжоуского: «Упоминание в гадательных надписях различных категорий рабов... указывает на то, что рабство существовало, но в подавляющем большинстве случаев говорится об использовании рабов на войне, в скотоводческом хозяйстве и о принесении их в жертву. Об использовании рабов в земледелии упоминается очень редко. Наличие рабства в Иньскую эпоху несомненно, но также несомненно и то, что в это время применение рабов не характеризовало лицо общества в целом. Следовательно, два специфических условия рабовладельческого способа производства находились еще в стадии возможности. Но они уже вступили на путь, который, объединив их, должен дать им господствующее положение во всем строе общества... На начальной стадии была и модель создающегося государства „и“» (стр. 120).

Большое значение для понимания древнекитайского общественного строя имеет анализ выше упомянутого важнейшего термина «фэнцзянь». Этот термин встречается уже в древнекитайских источниках. Начиная со времени Чжаньго, он приобрел смысл «дать в управление удел», «поставить князем». Такое толкование этого термина стали распространять и на гораздо более ранние эпохи. В новейшее время этот термин был использован для перевода с европейских языков слова «феодализм». До появления работ Го Мо-жо взгляд на древнекитайское общество как на общество феодальное был общепринятым среди китайских историков. Поставив в начале 30-х годов вопрос о рабовладельческой формации в древнем Китае, Го Мо-жо сильно поколебал этот взгляд¹. В настоящее время большинство историков КНР пришли к заключению, что Древний Китай пережил период рабовладельческого строя, однако вопрос о датировке этого периода продолжает обсуждаться.

Объясняя, откуда пошло превратное толкование вышеупомянутого термина, Хоу Вай-лу пишет: «Фэнцзянь — мистическая оболочка, созданная учеными эпох Чжаньго, Цинь и Хань. Но в заслуживающих доверия древнекитайских источниках этот термин имеет свой особый смысл, глубоко отличный от некоего таинственного строя, сочиненного конфуцианцами Циньской и Ханьской эпох. Те, кто занимается историей, должны проанализировать в историческом аспекте условия производства и связанные с ними формы культуры и идеологии. Под этим „таинственным образом“ скрыты весь строй и вся идеология древности. Поэтому важнейшая задача историка — раскрыть его» (стр. 113).

Отметив, что Ван Го-вэй путем исследования гадательных надписей убедительно доказал, что иероглифы «фэн»² и «бан»³ произошли из одного знака, Хоу Вай-лу

¹ См. статью «Го Мо-жо — историк древнего Китая», ВДИ, 1952, № 1, стр. 19 сл.

² Граница, закрывать; жаловать территориями (Ошанин, № 3092); этот иероглиф входит в сочетание «фэнцзянь».

³ Страна, государство (Ошанин, № 2157).

присоединяется к высказанному Го Мо-жо взгляду на первоначальное значение иероглифа «фэн». На рубеже эпох Инь и Чжоу он означал «проводить границу деревом». Именно в таком смысле он употребляется во многих древних источниках. Хоу Вай-лу считает, что первоначальный смысл обоих этих иероглифов указывает на возникновение государства и первый этап возведения укрепленных городов. То, что этот процесс происходил в конце эпохи Инь и в начале Чжоу, подтверждается и тем, что иероглиф «бан» в гадательных надписях встречается еще очень редко, а в надписях на чжоуской бронзе употребляется постоянно (стр. 117). Сочетание же «фэнцзянь» означает «возвести стены и основать государство» («чжучэн цзяньго»).

Анализ древних текстов приводит автора к выводу, что в период Чуньцю термин «фэнцзянь» означал строй, важным условием которого являлось земледелие. Связывая землю с теми, кто на ней работал, этот строй обеспечивал сохранение господства родовой аристократии (стр. 113 сл.).

В главе, посвященной роли торгового капитала в древнекитайском обществе, Хоу Вай-лу отмечает, что нет никаких конкретных данных относительно торговли в эпоху Инь, а «одного появления на гадательных костях иероглифа „бэй“¹ недостаточно, чтобы заменить небылицы, которые рассказывают древние» (стр. 213). В период Западного Чжоу (1122—771 гг. до н. э.) обмен осуществлялся в крайне узких масштабах и профессиональные купцы еще не выделились. Хоу Вай-лу объясняет это тем, что в это время строго соблюдался «чжоуский закон», согласно которому только родовая аристократия наделялась важнейшим средством производства — землей. Это, очевидно, еще не значит, что торговля в это время не было вообще, но все же скольконибудь значительной роли в хозяйстве она не играла.

В период Чуньцю ход исторического развития привел к концентрации богатств в несколько более широких слоях. Но даже в это время торговлю тормозило наличие государственной собственности на землю; сначала доходы от торговли монополизировала родовая верхушка. Сковывающее влияние системы государственной собственности на землю сказывалось сильнее всего на внутренней торговле. Обмен между отдельными государствами с середины периода Чуньцю достиг внушительных размеров.

Один из крупнейших специалистов по истории древнекитайской идеологии, Хоу Вай-лу показывает, как вместе с изменением базиса менялась и политическая и идеологическая надстройка древнекитайского общества. Одновременно с классовым обществом возникают понятия о правах и обязанностях. Отсюда развивается представление об управляющих и управляемых. Автор отмечает появление в надписях на чжоуских бронзовых сосудах терминов, характеризующих классовое общество. Так, важнейший термин «ли»², который раскрывается в древних источниках как «отличать благородных от низких», появился именно в эту эпоху. Тогда же появились и термины, указывающие на возникновение публичной власти. Из наименований чинов лишь один иероглиф «ши»³ встречается в иньских гадательных надписях. Лицо, которое им обозначалось, было наделено жреческими функциями. В начале Чжоуской эпохи из этого иероглифа выделяются еще два: «ши» и «ли»⁴. В это время начинает применяться термин «сань ши» (букв.: «три дела»), которым обозначаются обязанности трех высших вельмож.

Возникновение классового общества сказалось и в появлении понятия бога — «шанди». Иньские надписи его еще не знают. Религиозные представления в иньском обществе сосредоточивались вокруг поклонения духами первых ванов, т. е. духам

¹ Раковина каури, употреблявшаяся как денежная единица, сокровище, драгоценность (Ошанин, № 7917).

² Правила поведения в обществе, этикет, церемонии, приличие (Ошанин, № 573).

³ История, летопись, летописец (там же, № 6419).

⁴ Ши — дело, занятие, служите (там же, № 3303); ли — правитель, служащий, мелкий чиновник (там же, № 6421).

предков. «Поклонение первым ванам в эпоху Инь характеризует важный исторический момент, а именно то, что род еще не раскололся, члены его в основном еще едины, и эта коренная общность отражается в общности религиозных представлений. Поскольку силам коллектива приходится вступать в соприкосновение с природой и с другими коллективами, общие жертвоприношения духам предков являются важным условием существования общины. Лишь после образования государства и возникновения неравенства между людьми оказалось необходимым небо или бог, от которого первые ваны получали небесное повеление, отдававшее в их руки народ и землю» (стр. 175).

Таковы взгляды Хоу Вай-лу на основные вопросы экономической, политической и идеологической истории древнего Китая. Серьезное, глубокое исследование Хоу Вай-лу — большой вклад в изучение китайской истории. Тонкий анализ основных терминов социальной истории Иньской и Чжоуской эпох, опирающийся на огромный материал надписей на гадательных костях и на бронзовых сосудах и на данные древнекитайских классических книг, несомненно, поможет разрешить до сих пор еще спорную проблему периодизации возникновения классового общества и государства в Китае. Возобновившиеся в 1950 г. археологические раскопки иньской столицы в районе Аньяна скоро, повидимому, дадут возможность окончательно решить этот важнейший вопрос, что заложит прочную основу научной периодизации истории древнего Китая.

Ценной особенностью книги Хоу Вай-лу является подача настолько полного материала, что читатель как бы вводится в творческую лабораторию ученого. Обилие материала дает возможность самому читателю делать из него выводы и проверять правильность выводов ученого.

Книгу Хоу Вай-лу с большим интересом прочтет каждый, кто занимается историей древнего Китая. Она свидетельствует об успехах китайской исторической науки и показывает, что для ученых демократического Китая основное значение имеет не история древнекитайских властителей, их войн и всякого рода придворных интриг, а история отважного и талантливого китайского трудящегося народа.

В. А. Рубин

K. FREEMAN, Greek city-states, L., 1950, 286 стр.

Политические взгляды и устремления современной буржуазии налагают яркий отпечаток на концепции буржуазных историков. Многообразные и, по существу, противоречивые попытки трактовать исторический материал, наличие в трудах буржуазных авторов взаимоисключающих идей в ряде случаев объясняются прежде всего различной политической ориентацией авторов, их расхождениями в оценке важнейших событий наших дней. В свете этих оценок буржуазные авторы по-разному воспринимают и освещают историю предшествующих эпох, в частности древнюю историю. Большинству произведений современных буржуазных историков самых различных, на первый взгляд, политических убеждений безусловно присуща одна общая черта — откровенная тенденция превратить историческую науку в придаток буржуазной политики, сделать ее рупором той или иной политической доктрины. С точки зрения методологии, эта тенденция означает полный отказ от исторического подхода к исследуемым проблемам.

Рецензируемая книга в этом отношении не составляет исключения. По своему содержанию она распадается на следующие части: предисловие, в котором сформулированы задачи книги, вводную главу, содержащую намеченную автором схему развития греческого полиса, девять очерков, каждый из которых посвящен одному полису (Фурии, Акрагант, Коринф, Милет, Кирена, Сериф, Абдера, Массалия, Византий); наконец, заключение, суммирующее основные идеи книги.

Обосновывая выбор темы, К. Фримэн обращает внимание читателей на то, что большинство исследователей занимается преимущественно, а порой и исключительно